

Крест с колокольни Ивана Великого в Кремле как часть московских трофеев Наполеона

Одной из самых загадочных и интригующих тайн XIX века, непосредственно связанных с событиями Отечественной войны 1812 года, является судьба московских трофеев Наполеона. К их числу современники причисляли и крест с колокольни Ивана Великого в Кремле. Впоследствии, именно вокруг него разгорелись ожесточенные споры. Их участники, апеллируя к судьбе креста, выступали в качестве сторонников, либо противников существования московских трофеев Наполеона. Суть споров сводилась к следующему: если крест действительно был вывезен из Москвы, то свидетельства сподвижников Наполеона о московских трофеях заслуживают внимания, если нет — то разговоры о них не имеют под собой серьезных оснований и заниматься изучением их судьбы не следует.

Существует несколько версий, объясняющих, почему Наполеон приказал включить крест с колокольни Ивана Великого в число захваченных в Кремле трофеев. Одна из них гласит, что, по имевшему широкое хождение в народе поверью, враг не мог войти в Москву, пока этот крест находился на колокольне, и, снимая его, Наполеон стремился «поразить воображение суеверного народа»ⁱ. Согласно другой версии, крест служил «предметом почитания всех православных» и именно поэтому, желая отомстить русскому народу за нежелание покориться, Наполеон отдал приказ снять его и причислить к своим трофеямⁱⁱ. И, наконец, по третьей версии, он просто хотел установить крест в Париже над Домом Инвалидов, как свидетельство своего пребывания в Москве и ее покоренияⁱⁱⁱ.

Все эти версии были выдвинуты в разное время сподвижниками Наполеона. В российской же историографии получила распространение версия о том, что главным побудительным мотивом захватчиков был заурядный грабеж^{iv}.

Чтобы понять какими мотивами руководствовался Наполеон, следует установить, представлял ли крест с колокольни Ивана Великого какую-либо значимую материальную ценность. Имеющиеся на этот счет сведения достаточно противоречивы.

Например, сержант Старой гвардии Бургонь утверждал, что крест «имел 30 футов вышины, был сделан из дерева, окованного массивными серебряными вызолоченными полосами; несколько цепей, также золоченых, поддерживали его со всех сторон ... среди большого креста Ивана Великого был другой из массивного золота, около фута в длину»^v. Столь подробные сведения об устройстве креста Бургонь мог получить только от своих товарищей из гвардейской саперной роты, которые снимали его с колокольни. От них же он получил на память несколько кусков серебряной обшивки креста.

Кстати, снять крест с колокольни оказалось совсем не просто. Его вытаскивали при помощи блоков, предварительно отвернув металлические листы купола. Увлекаемый собственной тяжестью, он, падая, чуть не убил и не потянул за собой сдерживавших его за цепи саперов. Крест упал на землю с тяжелым звоном, который был слышен далеко вокруг. Шар, служивший кресту основанием, тоже сорвали, но тут же бросили^{vi}.

С русской стороны первое официальное сообщение о кресте с колокольни Ивана Великого появилось в № 9 журнала «Сын Отечества» за 1813 год. В заметке говорилось: «Из Кремля увезено было

французами вместо трофеев: крест с Ивана Великого, вышиною в 3 сажени, обитый весь серебряными вызолоченными листами, который прошлого года вместе с главою был вновь золочен и стоил 60 000 рублей».

Данное сообщение было тот час же опровергнуто статьей в журнале «Вестник Европы» за 1813 год предоставленной, как указывалось в примечании «через посредство весьма почтенной духовной особы». В ней подвергались критике источники информации, на которые ссылался автор статьи в журнале «Сын Отечества» и утверждалось, что нет достоверных сведений о вывозе креста из Москвы. Далее, в тексте опровергались данные о его большой стоимости: «...Может быть, господин Сочинитель подумал, что подлинно сей крест был весьма дорогой цены; может быть даже и сам Бонапарт, поверив подобным рассказам, велел его снять. Напротив того, крест Ивана Великого в 1811 году вновь сделан из железа и обложен медью, через огонь вызолоченною. За крест и яблоко, бывшее под ним, со всеми материалами заплачено не более 8 тысяч рублей. Яблоко же найдено в Кремле поврежденным, а железо изломанным. Крест сей находится ныне в Успенском соборе... Конечно, подстрекаемые жадностью французы все блестящее почитали золотом»

vii

В приведенном отрывке явственно прослеживается позиция церкви: французы, движимые алчностью, посчитали крест Ивана Великого золотым, сняли его, затратив много сил, а крест оказался медным! Таким образом, грабители оказались в дураках, их жадность была наказана!

Но как быть с народными поверьями, приписывавшими кресту

чудодейственную силу? Как объяснить народу, что Москва была сдана врагу, и крест не помог ее защитить? Для церкви миф о кресте-защитнике был очень важен, ведь такие мифы в немалой степени поддерживали ее авторитет в народе. Значит, крест должен был возникнуть в освобожденной Москве, и он возник, как Феникс из пепла!

29 марта 1813 года газета «Московские ведомости» сообщила радостную весть — крест с Ивана Великого в Москве! Вот, что писалось в статье: «Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле, у стены большого Успенского собора близ северных дверей с винтами, кои, как и крест, вызолочены были червонным золотом. Он во многих местах поврежден, вероятно, от падения с большой высоты. При бывшем по сему случае осмотре находился и тот самый кузнечный мастер Ионов, который был употреблен при делании сего креста. Открыли, что оный крест увезен всемирным врагом вместо трофея. Теперь из сего обстоятельства заключить можно, что увезенный неприятелем из Кремля крест снят, был, вероятно, из смежного с Ивановскою колокольнею здания, так называемого Филаретьевского; ибо во всем Кремле недоставало токмо сих двух крестов, из которых последний несравненно менее первого и таковой позолоты не имел»^{viii}.

Лейтмотив этого сообщения очевиден - почитаемый народом крест хотя и был повержен неприятелем, но Москвы не покидал. А раз так, то он подтвердил свою чудодейственную силу, ведь враг оставил город без боя. Характерно, что в заметке речь шла только о железном кресте, но ничего не говорилось о его позолоченной серебряной или медной обшивке.

Таким образом, материальная стоимость креста с колокольни

Ивана Великого, представителями русской православной церкви занижалась, а на первое место выдвигалась история его чудодейственного воскрешения.

Свидетельства очевидцев позволяют воссоздать внешний вид и устройство креста с колокольни Ивана Великого во всем его великолепии. Его основу составлял железный каркас, охватывавший деревянный крест высотой от шести до девяти метров. В свою очередь, в него был вставлен золотой крест высотой сантиметров в тридцать. Вся эта конструкция была обложена серебряными или медными позолоченными листами, точно повторявшими конфигурацию железного каркаса. Именно его нашли по таянию снега у стен Успенского собора весной 1813 года.

Новый крест, установленный вскоре после окончания войны на Колокольне Ивана Великого, представлял собой несколько железных полос, оббитых медными позолоченными листами, т.е. по конструкции был аналогичен предыдущему^{ix}.

Таким образом, железный крест выполнял функции каркаса и являлся только одной из частей сложной конструкции, которую представлял собой в целом крест с колокольни Ивана Великого. Именно этот железный каркас креста был ошибочно причислен сподвижниками Наполеона к московским трофеям. На самом же деле, речь должна была идти о серебряных или медных позолоченных пластинах, которыми он был оббит.

Перевозить в Париж огромный железный крест было явно нецелесообразно, да и технически трудноосуществимо. Гораздо проще было снять с него обшивку, упаковать ее и отправить во Францию в числе прочих трофеев. В Париже умельцы-кузнецы отковали бы по

размерам обшивки железный крест, который бы точно повторял внешним видом московский оригинал. Такой крест не стыдно было бы установить над Домом Инвалидов, как того и хотел Наполеон.

Но в списке трофеев, отобранных для отправки во Францию членами «комиссии уполномоченной на розыск ценных предметов, хранящихся в соборах Кремля» нет прямого указания на то, что к их числу относились серебряные или медные вызолоченные куски обшивки креста с колокольни Ивана Великого. Тем не менее, среди трофеев упоминается «деревянный крест, содержащий части настоящего креста» и «церковные украшения»^x.

Даже если, обшивка креста разлетелась на куски при падении с колокольни, все равно она неминуемо должна была стать частью московских трофеев Наполеона. Дело в том, что для переплавки наиболее громоздких церковных украшений кремлевских храмов в слитки драгоценных металлов, прямо в Успенском соборе были установлены плавильные горны. И, если серебряная обшивка креста колокольни Ивана Великого, оказалась после падения безнадежно испорчена, то ей не оставалось иного пути, как в плавильные горны. Если произошло именно так, то из символа величия Российской империи, ее религиозной святыни, часть креста превратилась в один из безымянных слитков серебра. Всего их было выплавлено общим весом 325 пудов, о чем свидетельствовала надпись на стене Успенского собора^{xi}.

Но ошибочно было бы думать, что крест с колокольни Ивана Великого привлек внимание такого великого государственного деятеля как Наполеон только благодаря драгоценным металлам, использованным при его создании. Крест был установлен на самом

высоком здании московского Кремля, иначе говоря, он символически возглавлял Российскую империю. Отдавая приказ о его снятии, Наполеон также символически ее обезглавливал. Этим он показывал всему миру, кто является победителем. Его меньше всего привлекала обшивка креста сама по себе, как драгоценный металл. Основной целью было перевезти ее в Париж и использовать для восстановления точной копии железного каркаса креста с колокольни Ивана Великого. Этот крест должен был занять свое место рядом с трофеями из других покоренных столиц европейских государств. Для Наполеона он являлся символом победы над Российской империей.

Император Александр I прекрасно это понимал. Иначе чем можно объяснить его постоянный интерес к судьбе креста с колокольни Ивана Великого. Правитель огромной державы, ведущей смертельную войну с сильнейшим противником, находит время, чтобы направить главнокомандующему русской армией М.И. Кутузову письмо следующего содержания: «Князь Михайло Илларионович! Присланный от Вас курьером гвардии штабс-капитан Байков, будучи Мне лично представлен, между прочим, объявил, что будто бы похищенный в Москве с колокольни Ивана Великого крест, отбит нами у неприятеля, изъясняя, что он основывает сие донесение на изустном Вашем о том приказании. Не имею о сем никакого подтверждения, и даже прибывший после него полковник Шнейдер объявил, что сие ему неизвестно. Я желаю, чтобы Вы донесли Мне об оном с первым курьером»^{xii}.

М.И. Кутузов, тот час же по получении письма от Александра I, отправил рапорт следующего содержания: «...Я всеподданнейше доношу, что об отбитии у неприятеля, похищенного им в Москве с

колокольни Ивана Великого креста, действительно носился слух и в предводительствуемой мною армии, но известию сему я не могу верить без того, что после всех донесений, какие сделаны ко мне от частных начальников об отбитых ими вещах, никто из них не упоминает об обозначенном кресте. Судя же по общему голосу я не могу иначе заключить как-то, что в то время, когда крест сей вывезен был из Москвы, неприятель, будучи, тесним и преследуем везде партизанскими нашими партиями, принужден был или его потопить, или зарыть в землю, как обыкновенно он делал сие и со всеми другими вещами»^{xiii}.

Предположение М.И. Кутузова о судьбе креста с колокольни Ивана Великого, по праву можно отнести и к судьбе всех московских трофеев Наполеона, так и не попавших во Францию.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. 2. С. 74.

ⁱⁱ Воспоминания о России Армана Домерга // Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 160.

ⁱⁱⁱ *Сегюр Ф, де*. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 80.

^{iv} *Бахрушин С.В.* Москва в 1812 году. М., 1913. С. 150.

^v *Бургонь*. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 50.

^{vi} *Нечкина М.Ф.* Москва в 1812 году. М., 1947. С. 30.

^{vii} Бахрушин С.В. Москва в 1812 году. С. 150.

^{viii} Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1900. Т. 10. С. 6.

^{ix} Сорок сороков. Кремль и монастыри. М., 1992. Т. 1. С. 61.

^x *Histoire de la campagne de Russie*. P., 1846. Т. 2. P. 200.

^{xi} Нечкина М.В. Москва в 1812 году. С. 30.

^{xii} *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников // Записки императорской академии наук. СПб., 1882. С. 357-358.

^{xiii} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Л. 164.